

М.М.Руссо (ИЯз РАН)

M.M.Russo (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира»¹

Neo-Humboldtian linguistics and limits of the linguistic model of the world

Аннотация

В статье рассматривается понятие «языковая картина мира», делается попытка определения границ применимости этого понятия. Также приводятся примеры использования семантических переходов в качестве инструмента при описании языковой картины мира.

The paper deals with the term “linguistic model of the world” and is an attempt at defining limits of its applicability of this term. The author also demonstrates the manner in which semantic shifts can be used to describe the “linguistic model of the world”.

Ключевые слова:

языковая картина мира, лексическая типология, гипотеза лингвистической относительности, семантические переходы

linguistic model of the world, lexical typology, linguistic relativity, semantic shifts

1. Пути «неогумбольдтианской лингвистики»

1.1. Языковая картина мира под прицелом критики

В современной лингвистической литературе не сложилось определенного консенсуса относительно термина «языковая картина мира» (далее — ЯКМ). Более того, часто употребление этого выражения вызывает резкую критику. Упомянем лишь самые заметные из появившихся в последние годы остро критических публикаций.

¹Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект № 10-04-00156а «Типология семантических переходов в языках мира». Все примеры семантических переходов, использованные здесь, собраны при работе над «Каталогом семантических переходов» [11, 15, 87], создаваемым в рамках этого проекта.

Статью, посвященную работам А. Вежбицкой, опубликовал швейцарский лингвист, профессор Лозаннского университета Патрик Серио [81]. Он обращает внимание на представляющееся ему странным сочетание универсализма (концепция «естественного семантического метаязыка») и гумбольдтианства (идея понимания культур через посредство ключевых слов) у А. Вежбицкой. П. Серио связывает «неогумбольдтианские» концепции с отжившими идеями эпохи немецкого романтизма и «консервативным мышлением, преобладающим в советской и постсоветской России» [цит. по 3, 12]. А. Вежбицкая ответила на критику П. Серио, утверждая, что она считает неогумбольдтианскую парадигму вполне плодотворной в современной лингвистике [8], см. обсуждение полемики также в [3].

Резкой критике концепция ЯКМ подверглась в статье А.В. Павловой и М.В. Безродного, вышедшей в 2010 г. в *Toronto Slavic Quarterly* [79], позднее появился вариант на русском языке [28], а также издание доработанного варианта статьи в отечественном журнале «Политическая лингвистика» [29]. За публикацией последовала полемика с А.Д. Шмелёвым [41; 27; 40].

А.В. Павлова и М.В. Безродный связывают изучение ЯКМ с апологией русского языка и идеями, для обозначения которых вводят термин «лингвонарциссизм». Павлова и Безродный прослеживают историю русского лингвонарциссизма от XVIII века ², отмечают лингвонарциссизм как одну из черт советской идеологии, справедливо связывают лингвонарциссизм с любительскими этимологическими штудиями под девизом «все языки произошли из русского» (от этрусков — хитрушек Третьяковского до «Новой хронологии» Фоменко). А далее совершается неожиданный переход — идея «уподобления языка народу» — позволяет авторам приравнять к лингвонарциссическим сначала воззрения создателей гипотезы лингвистической относительности и автора понятия «языковая картина мира» Лео Вайсгербера, а потом круг работ А. Вежбицкой и российских авторов, пишущих о ЯКМ.

² Дух этого явления хорошо отражает знаменитая цитата: «великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка» из Ломоносова.

Ряд упреков, которые А.В. Павлова и М.В. Безродный предъявляют авторам «неогумбольдтианских» работ, действительно справедлив, например: «материалом для анализа служат не однородные и представительные по объему речевые массивы, а единичные и предвзято отобранные примеры из разных по типу дискурса и времени возникновения источников». И в самом деле многие из цитируемых ими работ российских авторов заполнены малообоснованными рассуждениями о русском национальном характере. Однако в итоге делается вывод о полной ненаучности понятия ЯКМ и любых исследований в русле «неогумбольдтианства». Статья А.В. Павловой и М.В. Безродного была бы очень полезной, ее можно назвать даже необходимой в виду того потока работ, злоупотребляющих терминами «ментальность», «концепт», «языковая картина мира», который захлестнул сейчас российскую науку. Но, увы, признавать какую-либо научную ценность любых работ о ЯКМ А.В. Павлова и М.В. Безродный не намерены. К тому же сама критическая статья написана не в научном, а в лучшем случае публицистическом или даже «фельетонном» стиле, не подразумевающим возможности серьезной дискуссии.

Надо действительно признать, что порой рассуждения о связи языка с мышлением и национальной психологией, проникая в прессу, выглядят натянутыми. Особенно часто авторы неоправданно находят прямую связь между этимологической внутренней формой слов (как правило, не осознающейся говорящими) и особенностями национального менталитета. Можно привести пример из статьи в авторитетном научно-популярном журнале [9, 52]:

«Слова «жена» и «женщина» восходят к общеиндоевропейскому корню *gen* со значением «род», «порождать». Английское же *woman* происходит из стянутых в одно древнегерманских слов *wif* — женщина и *man* — человек (изначально это слово относилось к обоим полам), то есть буквально *woman* — это «человек женского рода», а «женщина» — «родительница». Неудивительно, что в русскоязычном сознании женщина — это «прежде всего мать», а в англоязычном — партнёрша, *significant other* («значимый другой»), и мать Иисуса Христа мы называем Богородицей, а Запад — Девой Марией.

Неудивительно также, что и законодательные нормы, защищавшие имущественные права «женщины-человека», появились уже в англосаксонский период (V—XI века)».

При этом совершенно игнорируются не соответствующие общей концепции факты: употребления слова *дева* (греч. *παρθένος*) по отношению к Богородице в православии (например, в «Богородице Дево, радуйся») и слова *mater* в католичестве (например, в секвенции *Stabat Mater dolorosa* и антифоне *Alma Redemptoris Mater*), да и тот факт, что с имущественными правами английских женщин даже в викторианскую эпоху дело обстояло не столь уж радужно³.

Подобных рассуждений в современной российской прессе довольно много. Но приравнять к ним любые работы лингвистов, посвященные ЯКМ, — это всё равно, что сравнивать многочисленные ныне псевдонаучные публикации с заголовками вроде «Арийские корни Руси», «Славянские веды», «Древняя ведическая Русь основа сущего» с работами санскритологов и специалистов по сравнительно-историческому языкознанию индоевропейской семьи языков.

Более конструктивные критики «неогумбольдтианства» не отрицают в целом наличия специфических ЯКМ в различных языках. Если судить по очерку, данному В.М. Алпатовым, для Японии идеи «лингвонарциссизма» еще более характерны, чем для России. Они нашли свое воплощение в особом направлении общественной мысли — *nihonjinron* 'учение о японцах', в котором «откровенное мифотворчество соседствует с интересными фактами, а иногда и с разумными наблюдениями» [1, 30]. Особо в *nihonjinron* подчеркивается идея уникальности японского языка. Давая взвешенную и в большинстве случаев скептическую оценку работам, принадлежащим к *nihonjinron* [1, 43—55], и отмечая ряд ошибок в [1, 58], В. М. Алпатов не отрицает саму идею различия ЯКМ в разных языках и в особом разделе книги приводит ряд примеров, относящихся к использованию оноματοпоэтической лексики, шкалы цветообозначений, лексики животного мира, сравнительной дифференцированности разных лексических систем [1, 63—78], противопос-

³ Так называемые Married Women's Property Acts, защищающие имущество замужней женщины от мужа и его кредиторов, в США и Великобритании начали приниматься лишь с 1840-х годов [50; 51].

тавлению «свой» — «чужой» [1, 79—88]. В качестве важного, но часто встречающегося методологического недостатка работ по ЯКМ, В.М. Алпатов справедливо называет то, что отбор языкового материала может подчиняться заранее известным результатам и подгоняться под них [1, 61].

А.Я. Шайкевич в статье, посвященной термину ЯКМ [39], отмечает ряд уязвимых мест в рассуждениях о ЯКМ. Во-первых, отсутствие четкой границы между языковой и энциклопедической информацией не позволяет точно установить, какая именно часть знаний о мире входит в коммуникативную компетенцию и, следовательно, может быть отнесена к ЯКМ [39, 9—10]. «Во-вторых, при исследовании ЯКМ часто не отделяются факты современного языка от реликтов прошлых эпох» [39, 16], «в-третьих, не используются статистические методы» [39, 18]. В качестве примера наиболее строгой научности в исследованиях ЯКМ А.Я. Шайкевич приводит книгу Е.В. Урысон [36], одновременно замечая, что даже после этой книги он не видит необходимости в нечётком и «эссеистическом» термине ЯКМ, так как в его роли вполне может выступить более определенный термин «семантическая система» [39, 9]. О соотношении понятий ЯКМ и «семантическая система» мы поговорим ниже.

1.2. Гипотеза лингвистической относительности в современной зарубежной лингвистике

Удивляет встречающееся в критических статьях утверждение П. Серию, А.В. Павловой и М.В. Безродного, что «неогумбольдтианские идеи» утратили популярность в западной лингвистике и продолжают поддерживаться лишь в отсталой России, да в далекой Австралии (Вежбицкой с узким кругом сторонников). Поскольку А. Д.Шмелев, возражая на это утверждение, упомянул лишь одну книгу Дж. Лакоффа [63], стоит кратко рассказать хотя бы о самых известных зарубежных ученых, работы которых с полным основанием можно отнести к “neo-Whorfian paradigm”. Лера Бородицки, *assistant professor* департамента психологии Стенфордского университета, сочетает в своих исследованиях лингвистические методы с экспериментально-психологическими, исследуя в частности использование пространственных метафор в представлениях времени в различных куль-

турах [45; 46; 47; 48; 49; 56; 58; 80]. К нео-урфийской парадигме можно отнести израильского ученого Гая Дейчера, работающего сейчас в Британии в Манчестерском университете. Недавно он выпустил научно-популярную книгу с характерным названием “Through the Language Glass: Why the World Looks Different in Other Languages” [54], где обсуждается широкий круг вопросов: метафорическая сочетаемость абстрактных слов, различия в лексическом членении семантических полей в разных языках, а основное внимание уделено цветообозначениям в языках мира. Американский лингвист и психолог Джон Люси, профессор Чикагского университета, исследовал взаимосвязь языка и мышления, в частности цветовой памяти, проблемы именной категоризации в языке юкатекском языке [68; 69; 70; 71; 72; 73; 74]. В частности он показал связь между грамматической категорией числа и системой счетных классификаторов в юкатекском и тем, что носители юкатекского языка классифицируют предметы прежде всего по материалу, тогда как носители английского классифицируют предметы по форме [69]. Стивен Левинсон работающий в Институте психолингвистики общества Макса Планка (Неймеген, Нидерланды), описывал современные перспективы гипотезы лингвистической относительности [60], а также исследовал выражение пространственных значений в различных культурах [65; 66; 67]. Укажем также лишь на самые значительные (на наш субъективный взгляд) издания и статьи в русле проблематики «гипотезы лингвистической относительности», связи языка, культуры и мышления, вышедшие в последние два десятилетия в авторитетных зарубежных издательствах [61; 82; 59; 76; 77]. В целом для западных «нео-урфийцев» характерно использование для исследований не только семантического анализа, но и методов экспериментальной психолингвистики. Особое место занимают экспериментальные исследования восприятия цвета, пространства времени, движения и эмоций испытуемыми-билингвами [42; 43; 48; 49; 78]. Подчеркнем, что в этом кратком курсе мы намеренно не упоминали работ тех авторов, которых можно отнести к школе Вежбицкой.

1.3. Направления «неогумбольдтианских» исследований

1.3.1. Основные направления

В целом в современные работы, так или иначе использующие понятие ЯКМ, можно отнести к двум основным направлениям. Эти направления условно можно назвать «психолингвистическим» и «лексикологическим». К психолингвистическому направлению, помимо упомянутых в предыдущем разделе Л. Бородицки, Дж. Люси, С. Левинсона и других, относится также целый ряд российских ученых (Ю.А. Сорокин, А.А. Залевская, А.А. Леонтьев, Н.В. Уфимцева, А.И. Новиков и др.). Работы этих ученых выполнены специальными методами, используемыми в психолингвистике, в которых особо важен эксперимент с носителем языка, а не анализ текстов. В дальнейшем мы не будем рассматривать эти работы, так как определение ЯКМ в них должно быть свое, специфически психолингвистическое.

Для лексикологического направления ЯКМ — это результат, к которому стремится описание конкретного языка методами системной лексикографии [4, 348—351], как это сформулировал Ю.Д. Апресян: «Сверхзадачей системной лексикографии является отражение воплощенной в данном языке наивной картины мира — наивной геометрии, физики, этики, психологии и т. д. Наивные представления каждой из этих областей не хаотичны, а образуют определенные системы и, тем самым, должны единообразно описываться в словаре» [4, 351].

В дальнейшем, рассуждая о ЯКМ, мы будем говорить именно о лексикологическом ее понимании.

1.3.2. Смежные области

К каждому из основных направлений примыкают смежные дисциплины. К психолингвистическому направлению примыкает когнитивная лингвистика, представленная в России работами З.Д. Поповой, И.А. Стернина, В.В. Красных и других. Понятие картины мира в когнитивной лингвистике относится к ментальному образу в сознании человека и не равно ЯКМ [30, 52].

К лексикологическому направлению близка этнолингвистика. Сейчас различные авторы по-разному понимают предмет этнолингвистики. В [10] она смыкается с социолингвистикой, а то время как в [35, 39—40] этнолингвистика включает в себя изучение не

только языка, но и фольклора, обряда, материальной культуры традиционного общества, компонент «-лингвистика» в ее названии оправдывается преимущественно лингвистическими методами изучения. Для лексикологического направления в изучении ЯКМ наиболее близка этнолингвистика в узком понимании: «направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимосвязи и разных видов корреспонденции» [35, 27], цит. по [5].

Несколько более далеко отстоят исследования по культурной антропологии, или этнографии, посвященные используемым в различных культурах классификациям. Из таких работ наиболее известны исследования по народным классификациям животных и растений [44; 52]. Лингвистические методы играют в таких исследованиях важную, но не основную роль.

2. Языковая картина мира как структура лексико-семантической системы

2.1. Определение языковой картины мира

Ради наглядного примера перечислим несколько языковых фактов, которые обычно относят к области ЯКМ:

(1) в различных языках названия различных анатомических органов получают второе значение ‘центр локализации эмоций’ (рус. *сердце*, удм. *кõt* букв. ‘живот’, таит. *‘ā‘au* букв. ‘кишечник, внутренности’, индонез. *hati* букв. ‘печень’ и пр.);

(2) слово *насекомое* в русском языке вне специальной биологической литературы обозначает целый ряд существ, которых зоология не относит к классу насекомых: пауков, многоножек, клещей;

(3) в различных языках различные лингвонимы приобретают значения ‘непонятный’ (рус. *китайская грамота*, англ. *to be Greek to smb.*, исп. *me suena a griego*, *me suena a chino*, нем. *das kommt mir spanisch vor*, итал. *parlo italiano o turco ottomano?*, франц. *parler javanais*);

(4) русскому слову *жеребёнок* в бурятском языке соответствуют несколько: *унаган* 'жеребенок до года', *дааган* 'жеребенок от года до двух лет', *гунан* 'жеребенок по третьему году', *шүдэлэн* 'кобыла до трех лет';

(5) слова *радость* и *горе* в русском языке в ряде словосочетаний предстают как жидкости (*хлебнуть, испить горя, глубокое горе; радость разливается в человеке, бурлит, играет, переполняет человека, переплёскивается через край*) [38];

(6) смена дня и ночи описывается словами *солнце всходит, идет по небу и заходит*;

(7) ряд слов русского языка, обозначающих способности и качества человека (*ум, разум, воображение, совесть, память, душа*), ведут себя подобно названиям анатомических органов [36; 37].

Определением ЯКМ, объединяющим все эти разнородные примеры, будет следующее: Языковая картина мира — специфическая для данного языка структура лексико-семантических полей и значений слов. Строго ограничив объем понятия «языковая картина мира», следует при исследовании ЯКМ использовать в первую очередь факты из следующих областей:

1. Структура лексических систем (лексико-семантических полей)
2. Полисемия и коннотации
3. Метафорическая сочетаемость [24; 38]
4. Мотивации при словообразовании («внутренняя форма») [32]
5. Категоризация объектов, нашедшая прямое отражение в языке в виде систем именных согласовательных классов и именных классификаторов (нумеративов) [63; 53; 83; 17; 18].

Также могут использоваться и другие языковые данные, например, семантика собственных имен [5]. Однако прочие данные нужно привлекать с большой осторожностью. Так, особая осторожность нужна при рассмотрении фразеологии, которая порой воспринимается как явное отражение психологии народа, поскольку прямое сопоставление фразеологического материала с национальным менталитетом почти неизбежно при-

водит к противоречиям: «к паремиям, будто бы свидетельствующим о лени какого-либо народа, всегда можно найти «контр-паремии» о его трудолюбии» [5, 13].

Важным условием является то, что факты, которые, по мнению исследователя, отражают языковую картину мира, должны рассматриваться не изолированно, а в качестве компонентов системы. О скрывающейся за языковыми фактами картине нам куда больше расскажут не одно слово, а лексико-семантическое поле, не изолированный семантический переход, а «изосемантический ряд» (по терминологии С.А. Майзея [25])⁴.

Если, например, у русского слова *корысть* отмечается семантическая эволюция 'выгода' → 'выгода, получение которой морально осуждаемо' (ср. укр. *користь* или пол. *korzysć* без отрицательных коннотаций), то аналогичная многозначность у синонимичных слов (*барыш*, *нажива*), слов того же семантического поля (*сделка*) и такая же семантическая эволюция у заимствований, проникающих в русский язык (*гешефт* из нем. *Geschäft*, *афера* из франц. *affaire*), близкие семантические переходы ('продавать' → 'предавать') — всё это уже может свидетельствовать о связи в русской ЯКМ идеей коммерческой деятельности с низкой моральной оценкой [14]. Отметим, что это связь не уникальна, ср. семантический переход 'продавать' → 'обманывать' в старофранцузском *barater* 'совершать обмен товаров', 'обманывать' [55, I, 325], фула *njulora* 'обманывать', 'торговать' [16, 284]⁵. При этом данные языковые факты не должны становиться основой для утверждений, что подобные воззрения — характерная черта менталитета русских, французов или представителей народа фула. Подобные выводы надо предоставить делать психологам и социологам.

Сами авторы работ, выполненных в антропологической, или, если угодно, «неогумбольдтианской», парадигме лингвистики, отнюдь не разделяют приписываемую им

⁴ Хорошим примером системности в исследовании семантической стороны языка могут послужить лучшие из работ в области славянской этнолингвистики, авторы которых исследуют лексические системы (лексико-семантические поля, деривационные гнезда) [5; 33], а также работы специалистов по сравнительно-историческому языкознанию, которые, занимаясь праязыковой семантикой, ставят своей целью реконструировать не значения отдельных слов, а лексико-семантическую систему, то есть решают задачи лексической типологии в диахронии [34; 13].

⁵ Косвенной иллюстрацией того же перехода служат порт. *tratante* 'купец', 'плут', порт. *logro* 'прибыль', 'обман'.

критиками идею о прямой зависимости мышления от структуры языка и очевидной связи языка с психологией говорящего на нем народа: «Языковая картина мира — это не что иное как семантическая система некоторого языка, рассматриваемая в типологической перспективе. Это не более чем удобный метаязыковой конструкт, позволяющий описать некоторые типы расхождений в устройстве семантических систем разных языков, а также ряд феноменов в области языковой эволюции, языковых контактов и межкультурной коммуникации. Устройство человеческого мышления концептуальный аппарат языковой картины мира <...> описывать не предназначен» [14]. «Язык не есть учебник по национальной психологии. Языковые феномены могут объясняться культурными, социальными, политическими обстоятельствами, но не стоит ждать от языковой системы эксплицитного и систематического «изложения» жизненного кредо носителей языка» [5, 13].

А.В. Павлова и М.В. Безродный пишут: «Мы же считаем национальный характер и ментальность фантомами» [27]. С этой оценкой, не зависимо от того, насколько она справедлива вообще, лингвист должен согласиться и строго отличать свои исследования коннотаций или типологии лексических систем от изучения этнической психологии, оставив последнюю специалистам других наук.

Важнейшая часть ЯКМ — структура лексико-семантических полей, то, как язык членит область смысла на значения отдельных слов. Хрестоматийный пример межъязыковых различий в подобном членении относится к обозначениям частей тела [62, 14]:

английский	итальянский	русский	эстонский	японский	русский
<i>han</i>	<i>ma-</i>	<i>mîn</i>	<i>kä</i>	<i>te</i>	<i>p</i>
<i>d</i>	<i>no</i>	<i>ä</i>	<i>si</i>		<i>ука</i>
<i>arm</i>	<i>brac</i>	<i>bra</i>	<i>kä</i>	<i>u</i>	
	<i>cio</i>	<i>†</i>	<i>si(vars)</i>	<i>de</i>	
<i>foot</i>	<i>pied</i>	<i>pi-</i>	<i>jal</i>	<i>a</i>	<i>н</i>
	<i>e</i>	<i>cior</i>	<i>g</i>	<i>shi</i>	<i>oga</i>

<i>leg</i>	<i>gam</i> <i>ba</i>				
<i>fin-ger</i>	<i>dito</i>	<i>de-ger</i>	<i>sö</i> <i>rm</i>	<i>y</i> <i>ubi</i>	<i>n</i> <i>алец</i>
<i>toe</i>			<i>va</i> <i>rvas</i>		

Очень часто более дробное деление предметной области свидетельствует о большей ее освоенности в данной культуре. Например, в японском языке слабо разработана животноводческая лексика: английским *cattle, cow, bull, ox, bull* соответствует одно японское *ushi*, а словам *sheep, ram, ewe, wether, shearling* — одно японское *hitsuji*. Зато у японцев куда более богата лексика, относящаяся к рыболовству, видам рыб и морепродуктов: двум английским словам *shrimp* и *prawn* соответствуют несколько различных японских обозначений креветок [1, 68—69].

Хрестоматийным примером большой разработанности терминологической системы стало восходящее к Ф. Боасу утверждение о большом числе названий видов снега у эскимосов. К сожалению, у этого утверждения оказалась сложная судьба, во многом скомпрометировавшая идею лексической типологии. Утверждение восходит к статье Ф. Боаса 1911 г., где он приводит четыре термина для снега, относящихся к разным корням. Оно было процитировано отцом гипотезы лингвистической относительности Б. Уорфом, а затем и многими другими авторами, в том числе и в научно-популярной литературе, где в итоге число эскимосских названий снега выросло до двухсот. В 80-х гг. XX в. Л. Мартин и Дж. Пуллом выступили разоблачителями этого устоявшегося мнения (“The Great Eskimo Vocabulary Hoax” — название нескольких публикаций Пуллома). В результате стало распространяться противоположное утверждение: будто в эскимосских языках терминов для снега не больше, чем в английском. Однако если обратиться к имеющимся словарям, выяснится, что всё-таки эскимосским языкам свойственна богатая терминология в области видов снега и особенно видов льда. В диалектах насчитывается, например,

от 8 до 12 терминов для различных видов снега на поверхности земли, от 60 до 100 с лишним терминов для разных форм и видов льда. Подробное изложение истории вопроса с эскимосскими названиями снега и богатый лексический материал приведен в статье И.И. Крупника [21].

Классическими объектами лексической типологии, помимо названий частей тела, стали цветообозначения, названия степеней родства, также существуют подробные работы о глаголах плавания [26], глаголах позиции [75], терминах восприятия [57; 85; 86], терминах размера ('широкий', 'длинный' и пр.) [64] и другие. Даже в области конкретной лексики — названий предметов быта, типов ландшафта, видов растений и животных, отличия языков в членении семантического поля лексемами легко обнаруживаются. Рассмотрим таблицу, содержащую названия нескольких видов млекопитающих семейства куньих в четырех языках.

		русский	анг лийский	ис- панский	т урецкий
<i>Mustela nivalis</i>		<i>ласка</i>	<i>wea sel</i>	<i>com adreja</i>	<i>g elincik</i>
<i>Mustel a erminea</i>	в зимнем ме- ху	<i>горноста́й</i>	<i>erm ine</i>	<i>arm iño</i>	<i>k akım</i>
<i>Mustel a erminea</i>	в летнем меху		<i>stoa t</i>		
<i>Martes foina</i>		<i>куница</i>	<i>mar ten</i>	<i>gar duña</i>	<i>s ansar</i>
<i>Martes martes</i>			<i>mar ta</i>	<i>z erdeva</i>	
<i>Mustela lutreola</i>		<i>норка</i>	<i>min k</i>	<i>visó n</i>	<i>vi zon</i>

<i>Mustela eversmanni</i>	хорёк	<i>pole</i> <i>cat</i>	<i>turó</i> <i>n</i>	<i>k</i> <i>okarca</i>
<i>Mustela putorius</i>			<i>turó</i> <i>n / hurón</i>	
<i>Mustela putorius</i> <i>furo</i>	хорёк (фу- ро, фретка)	<i>ferr</i> <i>et</i>	<i>hur</i> <i>ón</i>	<i>fe</i> <i>ret</i>

Мы видим, что, например, турецкий и испанский языки различают два вида куниц, а в русском и английском эти два вида относятся к одному наивно-языковому виду⁶. При этом в английском языке две сезонные формы горностаия выступают как два разных наивно-языковых вида. Естественно, научная терминология для каждого из этих языков позволяет различить все перечисленные виды при помощи составных названий: *Mustela putorius* — рус. *лесной хорёк*, англ. *European polecat*, *Mustela eversmanni* — рус. *стенной хорёк*, англ. *steppe polecat*, *Martes foina* — рус. *каменная куница*, англ. *beech marten*, *Martes martes* — рус. *лесная куница*, англ. *pine marten* и т. д.

Еще один пример различных членений языками предметной области — разговорные названия трех родственных ягод:

	ру ский	ук- раинский	ру мынский	ш ведский	п ольский
<i>Fragaria</i> <i>ananassa</i>	<i>кл</i> <i>убника</i>	<i>по-</i> <i>луница</i>	<i>сър</i> <i>şun</i>	<i>jo</i> <i>rdgubbe</i>	<i>tr</i> <i>uskawka</i>
<i>Fragaria</i> <i>vesca</i>	<i>зе</i> <i>мяника</i>	<i>су-</i> <i>ница</i>	<i>fra</i> <i>g</i> ⁷	<i>s</i> <i>multron</i>	<i>p</i> <i>oziomka</i>
<i>Fragaria</i> <i>moschata</i>	<i>зе</i> <i>мяника</i>	<i>по-</i> <i>луница</i>	<i>сър</i> <i>şun</i>	<i>s</i> <i>multron</i>	<i>p</i> <i>oziomka</i>

⁶ О понятии наивно-языкового вида (folk species) и соотношении наивно-языковых видов животных и растений с видами, выделяемыми биологической наукой, см. [23; 44].

⁷ В румынских диалектах также *potnişă*.

Опять-таки при необходимости, в научных или близких к научным текстам, языки легко различают виды при помощи описательных названий или сложных слов: рум. *căpșunul de grădină* 'Fragaria ananassa', польск. *poziomka wysoka* 'Fragaria moschata', швед. *skogsmultron* 'Fragaria vesca', *parksmultron* 'Fragaria moschata'.

Носителям языка порою кажется очевидным, что виды животных или растений, называемые в их языке разными словами, различны. Одновременно они не замечают, что сами во многих случаях объединяют в одном названии (и в одном таксоне «наивной классификации») разные виды. Русские *лягушка* и *жаба* объединяются в рум. *broască*, мокшан. *ватраки*, кит. *měng*, тигринья *kʷərʃo*, русские *крыса* и *мышь* — в новогреч. *ποντίκι*, лаоск. *nū^l*, мехри ⁸ *ṛārkaṣb*, бирм. *чwэ'*, араб. *fār-*, тигринья *ṛanč əwɑ* кхмер. *kʷndol*. А носителям ряда других языков покажется странным, что в русском и турецком один термин (рус. *масло*, тур. *yağ*) объединяет как растительный, так и молочный продукт (ср. англ. *oil* и *butter*, исп. *aceite* и *mantequilla*, франц. *huile* и *beurre*, венг. *olaj* и *vaj*). Еще раз подчеркнем, что различие в структуре лексических систем не является прямым свидетельством различий в психологии народов, менталитетах, культурах и подобном. Даже более дробное деление не обязательно свидетельствует о большей освоенности объекта. Показательно, что в то время как русский язык лексически отличает неограниченный и ограниченный алмаз (*алмаз* vs. *бриллиант*), нидерландский язык в обоих случаях использует слово *diamant*, хотя одним из крупнейших центров обработки и продажи бриллиантов является город Антверпен, находящийся во фламандской части Бельгии ⁹.

Вернемся теперь к замечанию А.Я. Шайкевича о том, что вместо выражения «языковая картина мира» можно использовать термин «семантическая структура». Это замечание справедливо: в предложенном здесь понимании ЯКМ как структуры лексико-

⁸ Семитский язык южноаравийской группы. Около 135800 говорящих в Йемене, Омане и Кувейте (2000).

⁹ Ситуация со словами *алмаз* и *бриллиант* в русском языке объясняется возникновением семантической дифференциации между синонимами, заимствованными в русский язык разными путями. Заметим, что ранее в русском языке отмечалось и слово *диамант* (зафиксировано, например, у Даля, Ушакова), которое не выдержало конкуренции и было вытеснено из литературного языка.

семантических полей и значений слов термин «семантическая структура» хорошо описывает объект исследования. Однако мы всё-таки предпочли бы сохранить термин ЯКМ как более общий, объединяющий не только типологическое изучение лексико-семантических полей, но и прочие компоненты: типы мотиваций, структуры полисемии отдельных слов, метафорическую сочетаемость, грамматическую категоризацию.

2.2. От чего необходимо отделять ЯКМ

Языковую картину мира необходимо отделять от некоторых близких понятий. Как уже говорилось, когнитивная лингвистика активно оперирует понятием «картина мира» (см. раздел 1.3.2.). Однако когнитивная картина мира относится к сфере сознания, а не языка, к «ментальному лексикону», а не к лексической семантике. К сожалению, в ряде появляющихся в последние годы работ игнорируется разница между значениями слов и структурой лексико-семантических полей, с одной стороны, и концептами, как единицами «ментального лексикона», с другой [22]. При этом семантический анализ неоправданно обозначается модным термином «концептуальный». Подробнее о необходимости разграничения этих понятий, а также о соотношении терминов «концепт», «концептосфера», «когнитивная картина мира» с объектами лингвистики в [30, 17—104].

В исследовании О.А. Корнилова [19] говорится о необходимости отделять ЯКМ от еще одного объекта — научной картины мира, выраженной средствами конкретного языка («национальная научная картина мира» — в терминах О.А. Корнилова). Специфика национальных терминосистем, различные мотивации, ставшие основой терминов, используемые метафоры, безусловно могут быть лингвоспецифичны [19, 43—67], но не обязательно входят в сферу знаний среднего носителя языка и, следовательно, далеко не всегда попадают в ЯКМ данного языка, оставаясь в рамках подязыка данной науки.

2.3. О неоднородности ЯКМ

Вернемся к списку языковых фактов, которые мы приводили в качестве примеров элементов ЯКМ. Легко увидеть, что эти факты различаются по степени осознания говорящими. Семантику слова *насекомое* можно отнести к «обыденному знанию», противопоставленному научным воззрениям, а вот то, что *ум*, *память* и *совесть* ведут себя в ряде

контекстов подобно названиям анатомических органов, говорящие на русском языке не осознают [36, 50]. Таким образом, этот фрагмент языковой картины мира противопоставлен не только научной картине мира, но и обыденным, бытовым представлениям, которые обычно фиксирует языковая семантика [36, 56].

Другой вид неоднородности в ЯКМ связан с подвижностью границ между научным знанием и знаниями, зафиксированным в языке. В язык регулярно проникает научная терминология, носители языка сталкиваются с текстами разных стилей — от разговорного до публицистического и научного. В результате ряд представлений, зафиксированных в языке, может осознаваться говорящими как несоответствующие реальности, тем не менее, выражения, в которых выражены эти ложные представления, по-прежнему будут использоваться. Мы продолжаем говорить *взошло солнце*, хотя из-за всеобщего школьного образования вряд ли найдется взрослый носитель русского языка, не знающий, что на самом деле Земля вращается вокруг Солнца. Однако при проникновении научных терминов в обыденный язык они порой приобретают несвойственную им прежде семантику, превращаясь в элементы «наивной» картины мира. При помощи поисковых систем в интернете несложно найти примеры типа *...в Лесото распространяется вирус туберкулеза, особо стойкий к антибиотикам...; ...Я не знаю, как долго сохраняет жизнеспособность бактерия кори... А с точки зрения биолога словосочетания бактерия кори или вирус туберкулеза абсурдны.*

Но было бы слишком простым противопоставлять лишь две возможных ситуации: обыденный язык, отражающий «наивную» картину мира, и научную терминологию. На самом деле между этими двумя полюсами существует ряд промежуточных состояний. Проиллюстрируем это, вернувшись к примеру с названиями ягодных культур рода *Fragaria*. Если помимо обыденной речи, мы рассмотрим еще и специализированную литературу, но не учебники и монографии ученых-ботаников, а, например, книги, посвященные садоводству, то обнаружим, что система терминов там может отличаться, как от «обывательской», так и от научной.

	ру ский	русский спец.	ук- раинский	украин- ский спец.
Fragaria ananassa	<i>кл убника</i>	<i>земляника садовая</i>	<i>по- луниця</i>	<i>суниця садова</i>
Fragaria vesca	<i>зе мляника</i>	<i>земляника лесная</i>	<i>су- ниця</i>	<i>суниця лісова</i>
Fragaria moschata	<i>зе мляника</i>	<i>клубника</i>	<i>по- луниця</i>	<i>полуниця</i>

В строгой научной терминологии родовое название у всех видов должно быть единым, и, если используются не латинская, а русская номенклатура, *Fragaria moschata* именуется *земляникой мускусной*.

Исходя из собственного опыта наблюдений над употреблением зоологической и ботанической лексики, мы можем сделать вывод, что существует иерархия типов текстов -от максимально «наивно-биологических» до полностью научных. В области биологии эта иерархия выглядит так:

1. Разговорная речь
2. Пресса, художественная литература
3. Литература по аквариумистике, охоте, садоводству, комнатному цветоводству.
4. Школьные учебники и научно-популярная литература
5. Учебники для биологических специальностей вузов и научные издания

Говоря о соотношении научной и «наивной» терминологии в текстах, надо отметить, что необходимо развитие еще одного направления исследований ЯКМ. Эти исследования должны отвечать на вопрос, какие знания входят в коммуникативную компетенцию и являются частью ЯКМ, а какие принадлежат к специализированным картинам мира. Как, например, отмечает В. М. Алпатов, в японской языковой культуре крайне малое

значение имеют названия звезд, созвездий и планет [1, 65], из которых в обыденную ЯКМ входит только Луна. В то время как у тюркских или полинезийских народов существует развитая народная астрономическая терминология. Подобные исследования должны использовать методы социолингвистики: анкетирование, массовый опрос информантов.

2.4. Семантические переходы и ЯКМ

Многие черты ЯКМ (в предложенном здесь понимании) можно выявить, изучая семантические переходы в языках мира. Такой подход удобен тем, что позволяет обнаружить и сопоставить различия в ЯКМ конкретных языков. Для иллюстрации этого разберем несколько конкретных примеров.

2.4.1. Понимание

При работе над «Каталогом семантических переходов в языках мира» на данный момент выявлены три модели понимания, в которых значение 'понимать' возникает у глаголов, означающих 'хватать, брать рукой', 'видеть' и 'слышать' (в дальнейшем примеры из «Каталога семантических переходов» и [84]).

Первую модель демонстрируют глаголы, сочетающие значения 'брать, хватать' и 'понимать': эрзян. *канодемс*, мокшан. *фатямс*, зулу *bamba*, итал. *afferare*, англ. *grasp*, *catch*, итал. *prendere*, франц. *saisir*, др.-греч. *καταλαμβάνω*, и *ἐφάπτω*, караим. *кан-*, тибет. *adzin-pa*, япон. *tsukami*, ивр. *tafas*, согд. *γrβ-*, тигринья *ḥazä*, суахили *shika*, а также случаи, когда семантический переход происходит при словообразовании (нем. *greifen* 'хватать, брать' и *begreifen* 'понимать') или эволюции слова (лат. *comprehendere* 'обхватывать, обнимать; поймать' и фр. *comprendre* 'понимать').

Примерами второй модели ¹⁰ могут послужить аккад. *amāru*, англ. *see*, агул. *agWas*, итал. *vedere*, др.-греч. *ὄραω*, суахили *kuona*, волоф *gis*, Сар ¹¹ *àà*, ср. также паленкоро ¹² *bé!* 'смотри!', 'пойми!' (из исп. *ver* 'смотреть').

¹⁰ Семантическому переходу 'видеть' → 'понимать' близок другой семантический переход 'видеть' → 'знать'.

¹¹ Нило-сахарская семья, Чад, 183 тыс. носителей (1993).

Третья модель, в которой глагол 'понимать' связывается с 'слышать', характерна для франц. *entendre*, нганасан. *дильсумиси*, коряк. *валомык*, эвенск. *долдъ-*, якут. *isit-*, юкагир. *мори-*, амхар. *sämma*, тибет. *khums-ra*, ительмен. *элфсэс*, юлу ¹³ *nāagā*, сар *òò*, волоф *dégg*, гбайя-бодое ¹⁴ *zéi*, касем ¹⁵ *nì*, мвотлап ¹⁶ *yoñteg*, маконде ¹⁷ *kwiigwa*, суахили *kusikia*, вили ¹⁸ *kúkiù*, нелемуа ¹⁹ *tâlâ*, азиат. эскимос. *niiqur*, паленкоро *kucha* (< исп. *escuchar* 'слушать') (ср. также авест. *иш-* 'слух', 'понимание, разум').

Мы можем видеть, что для русского языка характерны первые две модели. По модели, связанной с хватанием рукой, образован основной русский глагол для понимания: ср. значения 'взять, ухватить, захватить, поймать' для глагола *понимать* в словаре В. И. Даля [12, III, 743], ср. также др.-рус. *поѣти* 'взять, поймать, схватить' и 'понять, постигнуть' [31, 1340—1342]. Данная модель прослеживается также в др.-рус. *уловити* 'словить, поймать' [31, 1179] и рус. *уловить* 'понять', рус. *схватывать* 'понимать'. Модель, связанная со зрением, обнаруживается в примерах типа *Теперь-то я вижу, что он прав*.

Интересно отметить, как под влиянием контактов с якутами, юкагирами и коряками в русских старожильческих говорах Восточной Сибири также возникла третья модель понимания, которую демонстрируют нам примеры *это якут, он по-русски не слышит; он не говорит по-коряцки, а слышит* в ниже-индигирских говорах [2, 497]. Впрочем, маргинальные примеры третьей модели можно найти и в недиалектной русской речи, например, употребление глагола *чуть* 'ощущать', 'слышать', в значении 'понимать' (чаще всего в вопросительных высказываниях вроде *Чуешь, чем это может кончиться?*).

¹² Креольский язык на основе испанского. Около 500 говорящих в Паленке-де-Сан-Басилио, департамент Боливар, Колумбия.

¹³ Нило-сахарская семья, ЦАР, ДР Конго, Южный Судан, около 7 тысяч носителей.

¹⁴ Один из языков/диалектов гбайя, на которых говорит более 900 тыс. человек в ЦАР и Камеруне.

¹⁵ Нигеро-конголезская семья, Буркина-Фасо, Гана, около 250 тыс. носителей.

¹⁶ Океанийские языки. Примерно 2100 носителей, на острове Мота-Лавав островной группе Банкс (архипелаг Новые Гебриды).

¹⁷ Нигеро-конголезская семья, языки банту, 1 млн. 340 тыс. носителей, Танзания и северный Мозамбик.

¹⁸ Нигеро-конголезская семья, языки банту, 11 тыс. носителей Республика Конго, Габон.

¹⁹ Океанийские языки, один из языков/диалектов Новой Каледонии, 960 носителей (1996).

М. Ванхов, исследовав глаголы со значениями чувственного восприятия, схватывания и ментальных процессов в представительной подборке языков [84], пришла к выводу, что, если в языке слово со значением 'брать рукой, схватывать' начинает обозначать также какой-либо ментальный процесс (понимание, знание и пр.), то в этом же языке аналогичное семантическое развитие испытывают слова со значениями слухового и зрительного восприятия. При этом обратное неверно [84, 368].

2.4.2. Температурные метафоры для дружеского/враждебного отношения

Для описания отношений между людьми в самых различных языках широко используются семантические переходы 'горячий, теплый' → 'дружественный' (рус. *тёплый*, якут. *сылаастык*, эрз. *лембе*, монг. *халуун*, *дулаан*, амхар. *yägalä*, япон. *atsu i*²⁰) и 'холодный' → 'враждебный' (монг. *хүйтэн*, рус. *холодный*, тур. *soğuk*, исп. *frío*). Эти переходы могут показаться универсальными, однако обнаруживается и семантический переход 'холодный' → 'дружественный'. Его реализацией служит слово *baridi* языка суахили: ср. *ona baridi* 'мерзнуть', *baridi kali (nyingi)* 'сильный холод, мороз', *nchi ya baridi* 'страна с холодным климатом' и *maneno ya baridi* 'дружелюбная речь, дружеские слова'.

2.4.3. Боль

Семантические переходы в лексическом поле боли специально исследовались в [6; 7]. Основные переходы, позволяющие языкам выразить значения 'боль', 'болеть', следующие:

А. 'воздействие инструментом' → 'боль'

А1. резание

Фр. *trancher* 'резать', *tranchées* 'колики, резь', рус. *резать*, нем. *schneidende Schmerzen* 'режущие боли', суахили *changa* 'нарезать, разрезать (на куски); разрубать; колоть, раскалывать', 'испытывать боль (гл. обр. в суставах)', *wanga* 'резать, вырезать или выдалбливать (напр. дерево, чтобы достать мед)', 'болеть; повреждать, ранить, причинять боль' (*kichwa kinaniwanga* 'у меня болит голова'), *katakata* 'разрезать на мелкие кусочки',

²⁰ Это японское слово в значениях 'теплый, жаркий' и 'добрый, сердечный, гостеприимный' записывается разными иероглифами (暑い и 厚い), однако произносится одинаково и, предположительно, в обоих значениях имеет одну этимологию.

‘ощущать острую боль’ (*tumbo langu linakatakata* ‘у меня рези в животе’), *mkeketo* ‘отрезание, разрезание (чего-л. твердого тупым ножом)’, ‘боль в животе, рези’²¹, япон. *kiri* ‘резать’ (*Me ga kiri-kiri suru* ‘У меня резь в глазах’).

А2. сверление

Исп. *taladrar* ‘сверлить, пронзать’, ‘сверлить (о боли)’, нем. *bohren*.

А3. укол

Рус. *колоть* (напр., *в боку*), исп. *pinchar* ‘колоть (иглой и т. п.)’ (*me pincha el costado* ‘у меня колет в боку’), *punzar* ‘колоть (иглой и т. п.)’, ‘колоть, усиливаться временами (о боли)’ (*me punza el costado, tengo punzadas en el costado*), рум. *a împunge* ‘колоть; бодать’, *a înțepa*²² ‘колоть; сажать на кол’; *a înjunghia* ‘вонзать, колоть’ (*mă înjunghie în piept, într-o coastă* ‘у меня колет в груди, в боку’), санскрит *todá* ‘укол’, ‘острая боль’²³, тагал. *sundót* ‘укол’, *sumundót* ‘колоть, покалывать (болевое ощущение)’, англ. *my face stings* (букв. ‘моё лицо жалит’).

Б. ‘разрушение’ → ‘боль’

Рус. *суставы ломают*, арм. *kotrakvel* ‘ломаться’, ‘чувствовать боль в суставах’.

В. ‘горький’ → ‘болеть’

Суахили *uchungu* ‘горечь, горький вкус’, ‘боль’ (*uchungu wa kuuma* ‘боль от укуса’; *uchungu wa uzazi (kuzaa)* ‘родовые схватки’).

Г. ‘есть’ → ‘боль’

Амхар. *bälla* ‘есть, кушать’, ‘ныть, болеть (о части тела)’ [*kʷəslu bällaw* ‘его рана ныла (букв. ‘ела его’)’], яравара²⁴ *kaba* ‘есть, жевать’, ‘вызывать зуд’ (*Aba me e kababa e atake* ‘Мы будем есть рыбу’ и *Kaisa owa kabake* ‘Гриб вызвал у меня зуд’).

Д. ‘гореть’ → ‘боль’

²¹ Язык суахили наглядно демонстрирует изосемантический ряд для перехода ‘резать’ → ‘болеть’.

²² Для второго румынского глагола значение ‘колоть (о боли)’ отмечено как разговорное.

²³ Первое значение санскритского слова ‘погонщик (пользующийся стрелом)’ [20, 248].

²⁴ Один из диалектов языка мади (или же самостоятельный язык), араванская семья языков. Насчитывает 155 говорящих (по данным на 2000 год), живущих в округе Лабреа бразильского штата Амазонас.

Груз. *tvalebi meçvis* букв. 'мои глаза горят', эрзян. *желудкаты толсе пале* букв. 'мой живот в огне горит'.

Е. 'звук' → 'боль'

Рус. *мои ноги гудят, спина ноет*.

Как показано в [6, 545—547], использование различных метафор для боли, позволяет выражать такие ее параметры, как направленность, интенсивность, локализацию и распределение во времени.

Литература

1. Алпатов В.М. Япония. Язык и культура. М., 2008.
2. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.-Новосибирск, 2000.
3. Аникин Е.Е., Чудинов А.П. Дискуссия о русской языковой картине мира: абсолютный универсализм и крайний релятивизм (неогумбольдтианство) // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 1 (35). С. 11—14.
4. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание и системная лексикография. М., 1995.
5. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура. М., 2007.
6. Бонч-Осмоловская А.А., Мерданова С.Р., Рахилина Е.В., Резникова Т.И. «Частные типологии» в лексике: лексическое поле боли // А.В. Архипов и др. (ред.). Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М., 2008. С. 539—551.
7. Бонч-Осмоловская А.А., Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации // В.М. Брицын и др. (ред.). Концепт боль в типологическом освещении. Киев, 2009. С. 8—27.
8. Вежбицкая А. Имеет ли смысл говорить о «русской языковой картине мира»? (Патрик Серио утверждает, что нет) // Динамические модели. Слово, предложение, текст: Сб. ст. в честь Е. В. Падучевой. М., 2008. С.177—189.

9. Вешняковская Е. В плену грамматики и словаря // Наука и жизнь. 2012. № 2. С. 50—55.
10. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия. СПб., 2001.
11. Грунтов И.А. «Каталог семантических переходов» — база данных по типологии семантических изменений // Диалог 2007. Компьютерная лингвистика и информационные технологии. Материалы конференции. М., 2007. С. 157—161.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Репринтное издание: В 4 томах. М., 1994.
13. Дыбо А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996.
14. Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе (к вопросу о термине «языковая картина мира») // Russian Linguistics, Kluwer Academic Publishers (в печати).
15. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии. Проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. №2.
16. Зубко Г.В. Фула-русско-французский словарь. Под ред. Нялибули Бурейма и Диенга Мамаду. М., 1980.
17. Коваль А.И. Классификационная семантика и деривация имени в пулар-фульфульде // Виноградов В.А. (ред.) Основы африканского языкознания. Лексические подсистемы. Словообразование. М., 2008. С. 311—494.
18. Коваль А.И. Форма носа и языковая категоризация (из лингвоэтнокультурных заметок) // Архипов А.В. и др. (ред.). Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М., 2008. С. 710—716.
19. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2011.
20. Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. М., 1996.

21. Крупник И.И. Сколько слов для льда у эскимосов // *Studia Anthropologica*: Сборник статей в честь проф. М.А. Членова. М., Иерусалим, 2010. С. 411—445.
22. Кузлякин С.В. Проблема создания концептуальной модели в лингвистических исследованиях // *Русистика и современность*. Т. 1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. СПб., 2005. С. 136—141.
23. Куприянов А.В. Предыстория биологической систематики. СПб., 2005.
24. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
25. Майзель С.С. Пути развития корневого фонда семитских языков. М., 1983.
26. Майсак Т.А., Рахилина Е.В. (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
27. Павлова А.В., Безродный М.В. Ложный вызов // *Toronto Slavic Quarterly*. 2010. № 31. URL: http://www.utoronto.ca/tsq/31/tsq31_disput_bezrodnyi.pdf.
28. Павлова А.В., Безродный М.В. Хитрушки и единорог: образ русского языка от Ломоносова до Вежбицкой // *Toronto Slavic Quarterly*. 2010. № 31. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/31/bezrodny31.shtml>.
29. Павлова А.В., Безродный М.В. Хитрушки и единорог: образ русского языка от Ломоносова до Вежбицкой // *Политическая лингвистика*. 2011. Вып. 4 (38). С. 11—20.
30. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.
31. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание: В 3 томах. М., 1989.
32. Толстая С.М. Мотивационные семантические модели и картина мира // *Русский язык в научном освещении*. 2002. № 1 (3). С. 112—127.
33. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

34. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. М., 1969.
35. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
36. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М., 2003.
37. Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 3—16.
38. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. 1979. Вып. 11. С. 142—148.
39. Шайкевич А.Я. Русская языковая картина мира в ряду других картинок // Московский лингвистический журнал. 2005. № 8/2. С. 5—21.
40. Шмелев А.Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма»? // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 4 (38). С. 21—33.
41. Шмелев А.Д. Допустимо ли изучать русский язык? // Toronto Slavic Quarterly. 2010. № 31. URL: http://www.utoronto.ca/tsq/31/tsq31_disput_shmelev.pdf.
42. Andrews, D. The Russian color categories sinij and goluboj: An experimental analysis of their interpretation in the standard and emigré languages // Journal of Slavic Linguistics. 1994. № 2. P. 9–28.
43. Athanapoulos P. Cognitive representation of colour in bilinguals: The case of Greek blues // Bilingualism: Language and Cognition. 2009. №12 (1). P. 83–95.
44. Berlin B. Ethnobiological classification: principles of categorization of plants and animals in traditional societies. Princeton, NJ., 1992.
45. Boroditsky, L. Linguistic relativity // Encyclopedia of cognitive sciences. London, 2003. P. 917–921
46. Boroditsky, L. Metaphoric Structuring: Understanding time through spatial metaphors // Cognition. 2000. № 75(1). P. 1–28.

47. Boroditsky, L. Does language shape thought? English and Mandarin speakers' conceptions of time // *Cognitive Psychology*. 2001. 43(1). P. 1–22.
48. Boroditsky L., Fuhrman, O., McCormick, K. Do English and Mandarin speakers think differently about time? // *Cognition*. 2010, 118 (1). P. 123–129.
49. Boroditsky, L., Ham, W., Michael Ramscar, M. What is universal in event perception? Comparing English & Indonesian speakers // *Proceedings of the Twenty-Fourth Annual Conference of the Cognitive Science Society*. Mahwah, NJ. 2002. P. 136–142.
50. Braukman, S.L., Ross, M.A. Married Women's Property and Male Coercion: United States Courts and the Privy Examination, 1864–1887 // *Journal of Women's History*. 2000, 12 (2). P. 57–80.
51. Brinjikji, H. Property Rights of Women in Nineteenth-Century England <http://www.umd.umich.edu/casl/hum/eng/classes/434/geweb/PROPERTY.htm>.
52. Brown, C.H. *Language and Living Things*. Rutgers, 1984.
53. Craig, C. (ed.). *Noun classes and categorization*. Amsterdam, 1986.
54. Deutscher, G. *Through the Language Glass: Why the World Looks Different in Other Languages*. New York, 2010.
55. *Dictionnaire historique de la langue française*. Sous la direction de Alain Rey. Paris, 2000.
56. Dils, A.T., Boroditsky, L. Processing unrelated language can change what you see // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2010. № 17 (6). P. 882–888.
57. Evans, N., Wilkins, D.P. In the mind's ear: The semantic extensions of perception verbs in Australian languages // *Language*. 2000, 76 (3). P. 546–592.
58. Fuhrman, O., Boroditsky, L. Cross-Cultural Differences in Mental Representations of Time: Evidence from an Implicit Non-Linguistic Task // *Cognitive Science*. 2010, 34 (8). P. 1430–1451.
59. Gentner, D., Goldin-Meadow, S. (eds.). *Language in mind. Advances in the study of language and cognition*. Cambridge, 2003.

60. Gumperz, J., Levinson, S. Rethinking Linguistic Relativity // *Current Anthropology*. 1991. № 32 (5). P. 613—623.
61. Gumperz, J., Levinson, S. (eds.). *Rethinking linguistic relativity*. Cambridge, 1996.
62. Koptjevskaja-Tamm, M. Approaching lexical typology // Vanhove, M. (ed.). *From Polysemy to Semantic Change: Towards a typology of lexical semantic associations (Studies in Language Companion Series)*. Amsterdam, Philadelphia, 2008. P. 3–54.
63. Lakoff, G. *Women, Fire and Dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago, 1987.
64. Lang, E. Spatial dimension terms // Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W. (eds.). *Language Typology and Language Universals, Vol.1—2*. Berlin, 2001. P. 1251–1275.
65. Levinson, S.C. Language and Space // *Annual review of Anthropology*. 1996. № 25. P. 353–382.
66. Levinson, S.C. Yeli Dnye and the Theory of Basic Color Terms // *Journal of Linguistic Anthropology*. 2000 № 10 (1). P. 3–55.
67. Levinson, S.C. *Space in language and cognition: explorations in cognitive diversity*. Cambridge, 2003.
68. Lucy, J.A. *Grammatical Categories and Cognition: A Case Study of the Linguistic Relativity Hypothesis*. Cambridge, 1992.
69. Lucy, J.A. *Language Diversity and Thought: A Reformulation of the Linguistic Relativity Hypothesis*. Cambridge, 1992.
70. Lucy, J.A. Linguistic Relativity // *Annual Review of Anthropology*. 1997. № 26. P. 291–312.
71. Lucy J.A., Shweder R. Whorf and his critics: Linguistic and nonlinguistic influences on color memory // *American Anthropologist*. 1979. № 81(3). P. 581–615. Reprinted in R. W. Casson (ed.), *Language, Culture, and Cognition*. New York, 1981. P. 133–63.

72. Lucy, J.A., Shweder R. The effects of incidental conversation on memory for focal colors // *American Anthropologist*. 1988. № 90(4). P. 923–931.
73. Lucy J.A. The role of semantic value in lexical comparison: Motion and position roots in Yucatec Maya // *Linguistics*. 1994. № 32(4/5). P. 623–656.
74. Lucy, J.A. The scope of linguistic relativity: An analysis and review of empirical research // Gumperz J., Levinson S. (eds.). *Rethinking linguistic relativity*. Cambridge, 1996. P. 37–69.
75. Newman, J. *The Linguistics of Sitting, Standing and Lying*. Amsterdam, Philadelphia, 2002.
76. Niemeier, S., Dirven, R. (eds). *Evidence for linguistic relativity*. Amsterdam, Philadelphia, 2000.
77. O’Neill, S. *Cultural contact and linguistic relativity among the Indians of Northwestern California*. Oklahoma City, 2008.
78. Pavlenko, A. New approaches to concepts in bilingual memory // *Bilingualism: Language and Cognition* 1999, 2 (3). P. 209–230.
79. Pavlova, A., Bezrodnyj, M. How to Catch a Unicorn? The Image of the Russian Language from Lomonosov to Wierzbicka // *Toronto Slavic Quarterly*. 2010. № 32. URL: http://www.utoronto.ca/tsq/32/tsq_32_pavlova_bezrodnyj_how_to_catch_a_unicorn.pdf
80. Phillips, W., Boroditsky L. Can quirks of grammar affect the way you think? Grammatical gender and object concepts // *Proceedings of the Twenty-fifth Annual Meeting of the Cognitive Science Society*. Boston, 2003. P. 928–933.
81. Sériot, P. Oxymore ou malentendu? Le relativisme universaliste de la metalangue semantique naturelle universelle d'Anna Wierzbicka // *Cahiers Ferdinand de Saussure*. 2005. № 57. P. 23–43.
82. Stroinska, M. (ed.). *Relative points of view: linguistic representation of culture*. New York, 2001.
83. Unterbeck, B., Rissanen M. (eds.). *Gender in grammar and cognition*. Berlin, 1999.

84. Vanhove, M. Semantic associations between sensory modalities, prehension and mental perceptions: A crosslinguistic perspective // Vanhove M. (ed.). From Polysemy to Semantic Change: Towards a typology of lexical semantic associations (Studies in Language Companion Series). Amsterdam, Philadelphia, 2008. P. 341–370.
85. Viberg, A. 1984. The verbs of perception: a typological study // Linguistics. 1984 № 21. P. 123–162.
86. Viberg A. 2001. Verbs of perception // Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W. (eds.). Language Typology and Language Universals, Vol.1–2. Berlin, 2001. P. 1294–1309.
87. Zalizniak, A., Bulakh, M., Ganenkov, D., Gruntov, I., Maisak, T., Russo, M. The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Lexical Semantic Typology // Linguistics. 2012. № 3 (in print). P. 633–669.